

Полчаса спустя служанка внесла в комнату три блюда и суп. А Ци расставил еду и взглянул на юношу, который, сидя у письменного стола, был целиком поглощен чтением.

— Молодой господин, ужин готов.

Он произнес это тихо, словно боясь вспугнуть лесную птицу. Нин Цзюэ поднял глаза, взглянул на него, отложил книгу и неспешно подошел к столу.

На столе стояли два мясных блюда, одно овощное и суп. Свиные ребрышки, приготовленные на пару, были мягкими и пропитанными соусом. Нин Цзюэ взял чашу и принялся за еду. Каждое его движение было исполнено изящества — он ничем не отличался от знатных юношей, воспитанных в великих домах с самого детства.

Вскоре он отставил пустую чашу, вытер рот салфеткой, прополоскал рот, вымыл руки и поднялся, глядя на небо, которое постепенно погружалось в сумерки.

— Можно мне выйти прогуляться? — негромко спросил он.

А Ци, стоявший поодаль, оглядел пустой двор и понял, что вопрос адресован ему.

— Управляющий Ли говорил, что днем на улицахлюдно, и чтобы избежать неприятностей, лучше оставаться в поместье, — ответил он. — Если же вам очень хочется осмотреть город, то лучше выходить после наступления темноты через задние ворота, но через час вы обязательно должны вернуться.

Смысл был ясен: не стоит попадаться на глаза посторонним, когда выходишь из поместья Нин.

Нин Цзюэ усмехнулся про себя, но лицо его осталось бесстрастным. Он плотнее закутался в теплый плащ и зашагал к выходу. А Ци поспешил следом. Опираясь на воспоминания о своем прибытии, они выбрались через задние ворота и оказались в безлюдном переулке Мэйхуа.

Уже стемнело. Вдоль переулкa висели красные фонари — вероятно, их развесили по случаю праздника и еще не успели снять. Слабый свет свечей отражался в длинном проходе, и в тишине были слышны лишь размеренные шаги двух юношей.

— Куда мы направляемся, молодой господин?

А Ци семенил следом, сжимая в руках края рукавов. Он чувствовал беспокойство: первый же день, а юный господин уже самовольно покидает поместье. Если старый господин узнает, вряд ли он останется доволен.

Чувствуя тревогу своего спутника, Нин Цзюэ не замедлил шага. Он шел вперед, погруженный в

свои мысли.

Миновав переулок Мэйхуа, они вышли на улицу Чанпин. В отличие от тишины переулочка, здесь царило оживление: всюду сияли огни, вдоль дороги тянулись торговые ряды, а толпы людей сновали туда-сюда — ночью здесь было даже шумнее, чем днем.

Они остановились у лавки, где продавали украшения. Мужчина средних лет с сияющим лицом зазывал покупателей:

— Молодой господин, взгляните на украшения! Для себя, в подарок родным или супруге — у нас есть всё!

Персиковые глаза Нин Цзюэ скользнули по прилавку, и тонкие пальцы потянулись к светло-зеленому резному кольцу-пею.

— Хозяин, сколько это стоит?

Нин Цзюэ бережно погладил нефрит размером с половину ладони. На нем был вырезан нежный узор из бамбуковых листьев, а сочетание белого и бледно-зеленого оттенков идеально гармонировало с его светло-зеленым халатом с запахом, видневшимся из-под плаща.

— У вас отличный вкус, господин! Это нефрит из Дуншаня, чистый и изящный, очень вам к лицу. Если берете от души, отдам за один лян серебра. — Хозяин поднял палец.

Один лян — не так уж дешево.

Всего у Нин Цзюэ с собой было десять лянов — деньги, которые госпожа Юань долго копила и собрала с большим трудом. Он положил нефрит обратно. Вещь того не стоила, и как бы она ему ни нравилась, он не станет тратить на нее лишний взгляд.

Увидев, что украшение вернулось на место, улыбка торговца застыла. Юноша выглядел благородно и одет был богато, неужели он не может позволить себе один лян?

А Ци тоже удивился:

— Вы не берете, господин?

Нин Цзюэ покачал головой и пошел дальше.

В толпе А Ци не отставал ни на шаг, наблюдая, как Нин Цзюэ то и дело останавливается, чтобы что-то рассмотреть, но больше ничего не берет в руки.

— Господин, старый господин велел, чтобы в случае необходимости вы обращались за деньгами к управляющему Ли.

А Ци, заметив, как Нин Цзюэ постоял у прилавка с сахарными фигурками и ушел, не сдержался:

— Если вам приглянулся тот нефрит или что-то другое, можно было бы договориться в долг, а хозяин позже забрал бы деньги в поместье Нин.

Он решил, что раз господин смотрит, но не покупает, значит, стеснен в средствах. Нин Цзюэ не стал оправдываться. Он действительно был небогат, но...

— Нравиться — не значит обязательно обладать. На некоторые вещи достаточно просто посмотреть.

Деньги поместья Нин не принадлежали ему, и пользоваться ими было бы беспокойно. Лучше всего, если они с Нин Ляо будут в расчете.

А Ци не понимал. Да что там богатые наследники — даже простые парни в таком возрасте, увидев что-то по душе, непременно старались это заполучить.

Нин Цзюэ не стал объяснять. Впереди он увидел выступление с огнем и обрадовался. В Иньчжоу он уже видел нечто подобное, но тогда мать не позволила ему смотреть долго и поспешно увела прочь.

Под глубоким ночным небом двое крепких мужчин держали факелы. Когда они выдохнули из ртов жидкость, в воздух взметнулся огненный дракон. Толпа ахнула, раздались восторженные крики и хлопки.

— Эй, господин, вы куда?

А Ци увидел, как белоснежная фигура нырнула в толпу. Он попытался пробиться следом, но его оттеснили плечистые мужчины. Боясь потерять из виду знакомый силуэт, А Ци в отчаянии искал просвет и думал: молодой господин не крепче него, как же он смог так быстро протиснуться вперед?

В первых рядах Нин Цзюэ, не отрываясь, следил за представлением. В отблесках пламени его белый плащ выглядел особенно ярко.

Когда он был полностью поглощен зрелищем, кто-то толкнул его под руку. Нин Цзюэ оступился, попятился и спиной врезался в кого-то. Его тут же подхватили за плечи сильные руки.

Удержав равновесие, Нин Цзюэ обернулся и увидел позади себя мужчину. Тот был статен, с тонкими чертами лица, в нефритовом венце и черном халате с золотым поясом, поверх которого был накинут тяжелый черный лисий плащ. Взгляд его был холоден.

Мужчина был шире в плечах и выше на полголовы. Его руки лежали на плечах Нин Цзюэ, и со стороны казалось, будто он заключил его в объятия.

— Благодарю, — сказал Нин Цзюэ, встретившись с равнодушным взглядом. Он хотел отойти, чтобы увеличить дистанцию, но тут толпа снова вскрикнула, и напор людей усилился.

Хрупкое тело Нин Цзюэ прижало к груди мужчины. Черное и белое смешались. Мужчина вздрогнул, опустил взгляд и почувствовал, как его щеки коснулись мягкие темные волосы юноши.

— Про... прошу прощения.

Чувствуя, как бьется сердце у него за спиной, Нин Цзюэ смутился. Он попытался растолкать людей, но его сил едва хватало, чтобы пошевелиться.

— Ничего, — ответил мужчина густым, властным голосом.

Он не убрал рук с плеч Нин Цзюэ. Его твердая грудь служила стеной — что бы ни происходило вокруг, он не сдвинулся ни на дюйм.

Выступление становилось всё интереснее: артист проглотил горящий факел и вытащил его обратно — огонь не погас, а рот мужчины остался невредим. Толпа ликовала. Вскоре другой артист с подносом в руках подошел к зрителям:

— Почтенные господа, жизнь нелегка. Если вам понравилось наше выступление, поддержите нас, кто сколько может.

Он шел вдоль толпы, кланяясь. Многие бросали мелкие монеты. Нин Цзюэ, зажатый в тиски, видел, как поднос приближается к нему, и нахмурился. У него было всего десять лянов одной купюрой. Если отдать их, он останется с пустыми карманами.

Поднос оказался прямо перед ним. Артист смотрел с надеждой. Нин Цзюэ уже собрался отказать, как вдруг почувствовал движение за спиной. Рука мужчины, стоявшего позади, проскользнула мимо и положила на поднос слиток серебра.

— Благодарю вас, господин!

Артист просиял, взглянул на руку, лежащую на плече Нин Цзюэ, решил, что они вместе, и,

довольный, отошел.

После этого выступления Нин Цзюэ уже не чувствовал прежнего интереса. Когда толпа немного поредела, он медленно отодвинулся от своего спасителя.

Обернувшись, он поклонился:

— Прошу прощения за недавнее беспокойство.

Мужчина в черном остался невозмутим. Он стоял посреди толпы, прямой, как сосна, с лицом, подобным весеннему цветку. Его глубокие глаза не выражали ничего.

— Ничего.

Нин Цзюэ заметил его дорогой наряд и понял, что перед ним не простой человек, а значит, сближаться не стоит. Раз благодарность выражена, а он сказал, что всё в порядке, значит, инцидент исчерпан.

Нин Цзюэ улыбнулся:

— В таком случае не смею больше мешать вам смотреть представление. Прощайте.

Не дожидаясь ответа, он юркнул в толпу и скрылся.

Снаружи Нин Цзюэ не нашел А Ци, но, осмотревшись, вытащил его из-за спин нескольких зевак.

— Господин?

Увидев его, А Ци едва не заплакал. Кто знал, что будет, если он потеряет юного господина в первый же день?

— Всё хорошо, успокойся, — Нин Цзюэ похлопал его по плечу. Его тон смягчился: — Я взрослый мужчина, куда я денусь? В следующий раз, если потеряешь меня, жди на месте. Я нагуляюсь и сам тебя найду.

— Но...

— Никаких но. Раз ты теперь со мной, слушайся меня.

Нин Цзюэ прервал его, и А Ци, помолчав, кивнул:

— Слушаюсь.

Они продолжили прогулку. От улицы Чанпин они дошли до улицы Чанлэ. Нин Цзюэ видел множество диковинных вещей: деревянные фигурки, которые двигались с помощью нитей, головоломки-столики, которые можно было собирать как угодно, калейдоскопы с множеством узоров, глиняных зверушек, которых можно было раскрасить самому...

Чем дольше он смотрел, тем интереснее становилось, и от обилия красок начинало рябить в глазах.

<http://bllate.org/book/21783/2252429>